

врага в течение трех, максимум четырех месяцев и восстановится мирная жизнь. Но фашистская Германия, оккупировав почти все страны Западной Европы и подчинив себе их военный потенциал, двинула против нашей страны вооруженную до зубов армию, численностью в 190 дивизий.

Пока я мысленно рассуждала, что враг будет остановлен и разбит в короткое время, армады механизированной пехоты, танков и артиллерии стремительно надвигались к моему району. Стаи крылатых хищников преследовали колонны женщин с детьми, стариков, спасавшихся от войны вглубь страны и растянувшихся со своими пожитками по дорогам страны. Это были советские люди, работавшие до войны в западных областях Советского Союза, в основном учителя, медики, юристы, семьи военнослужащих, советские и партийные работники. Но уходили вглубь страны, на восток их жены и дети, их родители, а сами они занимали оборону по месту расположения своих застав и подразделений, в которых служили, сдерживали многократно превосходившие их армады врага. Наглые и самодовольные в предвкушении скорой победы, фашистские налетчики с ревом и музыкой катились по нашей земле. По радио слышу, что они уже в Брянске, в 150 км от моей деревни, значит уже завтра или послезавтра надо ждать «незваных гостей». Слышу сообщение о том, что в Киеве эсэсовцы — политическая полиция хватает коммунистов, комсомольцев, сотрудников советских органов (по доносу предателей, что было и в Курске), всех нелояльных к оккупантам заталкивают в душегубки, травят ядами. Положение становилось более чем тревожное и надо было срочно принимать решение. Я ведь была комсомолка и в случае прихода немцев в деревню нашлись бы предатели, немедленно выдали бы меня им, а вместе со мной была бы уничтожена вся моя семья. Поняв это, я простилась с родителями, младшей сестренкой и совсем еще малыми братишками и отправилась за 8 км в военкомат.

В военкомате оказался начальник медслужбы 61-го инженерного — аэродромного батальона капитан Левин. Ему нужны были санинструктора в роты, он и взял меня и еще двух медсестричек, просившихся на фронт, в свой батальон. Он базировался на окраине райцентра, где строили полевой аэродром. Так с 21 июля 1941 года я стала бойцом, точнее, военфельдшером действующей армии.

15 августа я получила единственное письмо от отца, который, будучи не призывным, в 52 года вступил в народное ополчение, о чем

он даже никому из родных не сказал. Теперь в составе Стародубского соединения ополченцев ехал защищать Киев. В Стародубе мой батальон продержался до 15 августа, а 16-го стал отступать, так как фашисты находились уже в 20-ти км от Стародуба, а затем стали преследовать нас по пятам до границы Курской области.

С первых дней войны на фронт был мобилизован и муж моей старшей сестры Раи, которая проживала с ним и 5-месячным мальшом в Стародубе. Таким образом, в деревне осталась одна мама с младшими детьми — 15-летней Олей, 12-летним Володей и 6-летним Сашей. Правда, когда пришли фашисты, к ним перебралась и Рая с ребенком. Маме стало надежней.

Новые «хозяева», оккупировав район, создали свои органы власти, комендатуру и полицию, старостат в деревнях. Полиция рекрутировалась из сынков бывших кулаков и антисоветских, уклонившихся от призыва в армию. Немцы, опираясь на старосту, его помощников и полицию, устанавливали в деревне свой «новый порядок» Правда, никого в деревне не повесили и не расстреляли, потому что все коммунисты и комсомольцы, руководители сельсовета и колхоза ещё до оккупации ушли кто на фронт, кто в партизаны, а третьи, как мой отец, в народное ополчение. Фашисты не стали разрушать колхоз, как наиболее производительную форму труда для Германии, приказали старосте разделить дворы по пятеркам, раздать им по одной колхозной лошадке и инвентарь — плуги, бороны, другую технику и заставили всех женщин и подростков работать на них от зари до зари. Всё, что создавалось руками женщин и детей выребалось до последнего зернышка и отправлялось в их родной «фатерленд».

В сентябре или октябре 41-го комендант издал приказ о мобилизации молодёжи, в основном — подростков, на «трудовой фронт» в Германию. Была мобилизована и моя 15-летняя сестрёнка Оля вместе со своими одноклассницами — одноклассниками. Мама использовала все свои медицинские познания, чтобы испортить работу и своего и её кишечника и убедить старосту, что у неё брюшной тиф и её нельзя отправлять в Германию, но ничто не помогло, товарняк с бес-

Сестра Ольга